

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА ФОНВИЗИНА-ПУЩИНА (АПУХТИНА)

Дворянский род Апухтиных и Фонвизиных

Дворянский род Апухтиных, или как писали в старину Опухтиных, известен со второй половины шестнадцатого века. Известно, что дедушкой Натальи был генерал-поручик, член московской конторы Военной коллегии, член суда над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками, генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества в 1783-1784 Апухтин Иоаким Иванович, сын капитана Ивана Ивановича Апухтина и Анны Ивановны Зыбиной.

Отцом Натальи был крупный, но разорившийся орловский помещик Дмитрий Акимович (1768-1838). Её матушка была Мария Павловна, в девичестве Фонвизина (1779-1842). Семейство Фонвизиных принадлежало к числу русских высокообразованных интеллигентов немецкого происхождения.

К моменту рождения дочки Наташеньки её родители были уже вполне зрелыми людьми. Марии Павловне было около двадцати четырёх лет, а Дмитрию Акимовичу тридцать пять.

Наташа родилась в имении Отрадное на берегу реки Унжи. Это родительское имение останется в её сердце на всю жизнь самым счастливым воспоминанием. В ту пору её отец был костромским предводителем дворянства и очень богатым человеком, обладателем больших поместий. Наташа уютно себя чувствовала в родительском поместье. Костромские леса, просторы лугов и полей, добродушные крестьян, народные праздники с песнями и хороводами были ей по душе. С раннего возраста все отмечали её душевную тонкость, любовь к природе, экзальтированность, религиозность, странным образом уживавшуюся с мечтательностью.

Она была так хороша, что ею невозможно было не любоваться. Но девочка мечтала о монастырской жизни. Наташе были неприятны восхищённые взгляды, направленные на неё. Чтобы не быть такой красавицей, она нарочно часами подставляла своё лицо жарким лучам солнца и радовалась, когда ее лицо теряло нежность и очарование.

Она была безразлична к той роскоши, которая окружала её в доме. С детства Наташа мечтала совершить подвиг. Возможно, что именно идеал христианского мученичества и самопожертвования поможет ей спустя годы перенести все испытания, какие ей предуготовила жизнь.

Годы шли. Наташа выросла. Когда ей ещё не было и шестнадцати, её мыслями завладел влюблённый в неё Рунсброк. Кто мог сомневаться, что именно он станет её избранником. Но внезапно молодой человек перестаёт посещать имение Отрадное. Обиднее всего, что его исчезновение совпало с разорением Дмитрия Акимовича.

У Наташи появилось неотступное желание уйти в монастырь. Она стала носить под платьем вериги, спать на полу без одеяла и подушек, проводить ночи в молитве. Обеспокоенные родители приглашают гостей, устраивают вечера, чтобы развлечь Наташу. Но эти попытки ещё больше угнетают её. Она решает уйти пешком из дома в монастырь. Близкие спохватились, обнаружив её исчезновение. Вскоре их поиски увенчались успехом: на пути в монастырь ее встретил молодой Верховский и уговорил вернуться домой.

Для семьи начались трудные времена. Кончились деньги, а продавать имущество они стыдились. Дмитрий Акимович уехал в Москву и был арестован за долги. В его отсутствие приехали описывать имущество. Однако хозяйка имения Мария Павловна Апухтина держалась с достоинством и сумела не показать вида, как она огорчена происходящим, хотя сдерживать себя было очень нелегко, потому что все в доме плакали.

Вскоре к Фонвизинам приехал двоюродный брат Марии Павловны Михаил Александрович Фонвизин, который был на семнадцать лет старше своей племянницы.

Михаил Александрович родился и вырос в семье, принадлежавшей к высшему слою дворянской интеллигенции и уже в предшествующем поколении сыгравшей выдающуюся роль в литературном и общественном движении своего времени. Он доводился племянником Д.И. Фонвизина и куратора Московского университета П.И. Фонвизина. С детства от усвоил традиции своей семьи, высокую общую культуру и передовые воззрения своей эпохи. Как и многие русские дворяне, всю переписку с родными он вел по-французски. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, уже год он имел чин генерал-майора.

Помня Наташу маленьким ребенком, он поразился ее превращению в восхитительную "красавицу полную огня, хотя и с оттенком какой-то грустной сосредоточенности".

Отец Наташи задолжал большую сумму денег матери Михаила Александровича. Узнав, что Апухтины разорены, Михаил Александрович разорвал вексель и бросил его в камин, после чего сказал Дмитрию Акимовичу, что будет счастлив, если Наташа согласится стать его женой. Отец рассказал дочери о великодушном поступке генерала, о его словах и добавил, что и сам будет рад видеть её женой такого замечательного человека.

- Вот я и замуж согласилась более выйти потому, что папенька был большой суммой должен матери Михаила Александровича и свадьбой долг сам квитался, потому, что я одна дочь была и одна наследница. Мне это растолковали, и, разумеется, в этом случае не до монастыря было, а надобно было отца из беды выкупать", - вспоминала Наталия Дмитриевна спустя десятилетия.

Наталия Дмитриевна, как истинная христианка, покорила своей участи и согласилась выйти замуж за Михаила Александровича Фонвизина, который был в ту пору вдвое старше её. Это был первый подвиг самоотречения.

Так в первой половине 1821 года Наталия Дмитриевна едва не убежала в монастырь, а во второй половине этого года она стала невестой.

В 1822 году Михаил Александрович вышел в отставку и стал жить в своем подмосковном имении Крюково. В сентябре 1822 года состоялась их свадьба [венчание в нынешних Угорах, Костромской области, в церкви Воскресения.—Н.П.]. Никто из родных не знал, что Михаил Александрович состоял членом тайного общества, сначала - Союза спасения, затем - Союза благоденствия, а после его расформирования - членом Северного общества декабристов, и участвовал в подготовке декабрьского восстания в Москве в 1825 году.

Жизнь после декабрьского восстания.

Их первенцу было 2 года, Наталия Дмитриевна ждала второго ребёнка. Начался 1826 год. 3 января отец семейства был арестован в своём имении Крюково и увезен в Петербург.

Оберегая покой жены, Михаил Александрович упросил приехавших за ним скрыть истинные причины их визита. Какое сердце не дрогнет при виде сильно округлившейся невысокой юной женщины, смотрящей на вас по-детски испуганными глазами, голубыми как январское небо? Приехавшие приложили все усилия, чтобы всё выглядело, как обычная поездка в Москву по делам. Наталии Дмитриевне с раннего детства была присуща особая чувствительностью, даже некоторая прозорливость. В этот раз её сердце почувствовало беду.

Михаил Александрович простился с ней и двухлетним сыном. Весело улыбаясь им, сел в сани. Когда сани выезжали за околицу, Наталия Дмитриевна стояла за воротами и

увидела, что путешественники свернули на петербургский тракт. Это подтвердило её страшные предчувствия. Наталия Дмитриевна лишилась чувств.

Придя в себя, Наталия Дмитриевна принимает решение о необходимости своей поездки в Петербург. Напрасны были уговоры близких людей. Она поехала.

В Петербурге она смогла вести тайную переписку с Михаилом Александровичем. Много раз она вместе с женой декабриста И.Д. Якушкина нанимали лодку, на которой довольно близко подплывали к Петропавловской крепости, чтобы видеть и приветствовать своих мужей, когда тех выводили на прогулку.

Спустя время Наталия Дмитриевна уезжает в Москву. 4 февраля 1825 года у нее родился второй сын.

В апреле 1826 года Наталия Дмитриевна вновь едет в Петербург. 25 апреля ей по разрешению чиновников удаётся увидеть мужа. 21 января 1827 года Михаила Александровича осудили по IV разряду на каторжные работы и отправили в Читинский острог в Сибирь. Перед отправлением ему было разрешено свидание с женой, после чего она едет на первую станцию от Петербурга, чтобы еще раз проститься с мужем. Наталия Дмитриевна сказала ему о своем решении ехать за ним в Сибирь, но он просил её остаться с сыновьями. Ведь старшему было только три, а младшему не было ещё и года.

Каждая мать знает, как трудно оставить детей, особенно таких крошечных. Наталия Дмитриевна долго мучилась, много плакала и молилась, и поняла, что мужу она будет нужнее. Она добивается разрешения ехать к мужу на каторгу. Через много лет Николай Алексеевич Некрасов в своей поэме "Русские женщины" опишет сцену прощания навсегда отца и дочери:

Да, рвем мы сердце пополам
 Друг другу, но, родной,
 Скажи, что больше делать нам?
 Поможешь ли тоской!
 Один, кто мог бы нам помочь Теперь...
 Прости, прости!
 Благослови родную дочь
 И с миром отпусти!
 Бог весть, увидимся ли вновь,
 Увы! надежды нет.
 Прости и знай: твою любовь,
 Последний твой завет
 Я буду помнить глубоко
 В далекой стороне...
 Не плачу я, но нелегко
 С тобой расстаться мне!
 О, видит Бог!
 Но долг другой,
 И выше, и трудней
 Меня зовет...
 Прости, родной!
 Напрасных слез не лей!

Сибирь

В марте 1828 года она приезжает в Читку. Наталии Дмитриевне через две недели исполнилось 23 года. Через некоторое время Наталия Дмитриевна заболела. Причиной болезни послужил ряд причин. Это и разлука с детьми, и беспокойство о них, и

невозможность постоянно находиться с рядом с мужем, и непростые отношения, сложившиеся с другими дамами, не разделявшими ее религиозных взглядов.

Болезнь выражалась в том, что у нее нарушился сон, по ночам она вскрикивала, иногда на нее напал безотчетный страх. Она кричала по ночам так, что слышно было на улице. Декабрист А. И. Одоевский напишет об этом так:

Зачем ночная тишина
 Не принесет живительного сна
 Тебе, страдальца младая?
 Уже давно заснули небеса,
 Как усыпительна их сонная краса
 И дремлющих полей недвижимость ночная!
 Спустился мирный сон, но сон не освежит
 Тебя, страдальца младая!
 Опять недуг порывом набежит,
 И жизнь твоя, как лист пред бурей, задрожит,
 Он жилы нежные, как струны напрягая,
 Идет, бежит, по ним ударит; и в ответ
 Ты вся звучишь и страхом, и страданьем,
 Он жжет тебя, мертвит своим дыханьем
 И по листу срывает жизни цвет...

И только после переезда на поселение это болезненное состояние прошло. Наталия Дмитриевна напишет о себе, что вся она соткана из крайностей и противоположностей. Она то весела, то задумчива и грустна. Она забывала о себе и своих насущных нуждах, когда обнаруживала, что кто-то нуждается в её помощи. Она проявляла в таких случаях смелость и решительность, находила способ помочь человеку.

По своему мировоззрению Наталия Дмитриевна была полной противоположностью другим женам декабристов. Она никогда не стремилась к светской жизни, к большому обществу, к развлечениям. Ей претила светская жизнь. Никто не разделял ее мировоззрения. Тем не менее, в Чите, а потом и Петровском Заводе с 1830 года Наталия Дмитриевна разделяла с ранее приехавшими женами все заботы о декабристах. Общие проблемы их сплотили.

В Сибири у Фонвизиных родились два ребенка, но оба умерли в раннем возрасте. Между тем рождение ребёнка могло дать послабление участи каторжанина. В этом случае каторга могла быть заменена поселением. К сожалению, Фонвизины не смогли выехать на поселение даже тогда, когда в 1833 году это было разрешено сделать всем декабристам IV разряда.

Когда всем предстояло отправиться на поселение, у Михаила Александровича Фонвизина внезапно открылись боевые раны. Отъезд пришлось отложить. В это же время умирает их годовалый сын.

Сначала местом их поселения был назначен Нерчинск. Родственники Фонвизиных выхлопотали им разрешение на Енисейск. Весной 1834 года им разрешили поселиться в Енисейске.

Енисейск

Мария Павловна Апухтина напишет, что по письмам дочери она смогла полюбить Енисей, как если это были "берега родной и любимой всем семейством Унжи".

Жизнь в этом большом по тем временам городе протекает однообразно. Купечество и чиновный люд развлекаются карточной игрой и кутежами. И прочие жители Енисейска тоже не могут похвастать своей просвещенностью.

Город был очень красив. Его украшали храмы и монастыри. Дома в Енисейске каменные. В маленьком саду возле дома, в котором поселились Фонвизины, Наталия Дмитриевна стала разводить цветы. И вскоре дом украсился чудесной оранжереей.

Каких только растений здесь не было! Ей доставляло неизъяснимое удовольствие дни напролёт ухаживать за своим садом. Фонвизиним всегда нравилась уединённая жизнь. В Енисейске они познакомились и подружились с чиновником Дмитрием Ивановичем Францевым и его семьей. Францев так же, как декабристы, боролся со злоупотреблениями чиновников в Сибири.

Наталия Дмитриевна особенно подружилась с дочерью Францевых, Марией Дмитриевной, которая очень привязалась к Наталии Дмитриевне и была убеждена, что эта удивительная женщина оказала на неё весьма благотворное влияние. Сохранились "Воспоминания" Францевой, где она пишет: "Наталя Дмитриевна Фонвизина была весьма красивая молодая женщина и большая любительница цветов. Небольшой ее садик был настоящая оранжерея, наполненная редкими растениями; она по целым дням иногда возилась в нем. Она была женщина в высшей степени религиозная и умная ... На меня, как на девочку с пылким воображением и восприимчивой натурой, Наталя Дмитриевна имела громадное нравственное влияние. Она была замечательно умна, образованна, необыкновенно красноречива и в высшей степени духовно-религиозно развита. В ней так много было увлекательного, особенно когда она говорила ... перед ней невольно преклонялись все, кто только слушал ее. Она много читала, переводила, память у нее была громадная; она помнила даже все сказки, которые рассказывала ей в детстве ее няня, и так умела хорошо, живо, картинно представить все, что видела и слышала, что самый простой рассказ, переданный ею, увлекал каждого из слушателей. Характера она была чрезвычайно твердого, решительного, энергичного, но вместе с тем необычайно веселого и проста в общении, так что в ее присутствии никто не чувствовал стеснения. Высокая религиозность ее проявлялась не в одних внешних формах обрядового исполнения, но и в глубоком развитии видения духовного; она в полном смысле слова жила внутренней духовной жизнью... С ней редко кто мог выдержать какой-нибудь спор, духовный ли, философский или политический".

Все, кто был знаком с Фонвизиной, были согреты её добротой и душевным светом. Готовность прийти на помощь была отличительной чертой Наталии Дмитриевны. Это все замечали и ценили в ней. Декабрист Н. И. Лорер писал: "В ее голубых глазах отсвечивало столько духовной жизни, что человек с нечистой совестью не мог прямо смотреть в эти глаза".

Суровый климат Енисейска оказался губителен для здоровья Фонвизина. Михаил Александрович был опять болен.хлопоты о переводе семьи в более южный район увенчались успехом.

Красноярск

По высочайшему разрешению в конце 1835 - начале 1836 года Фонвизины смогли переехать в Красноярск. Им было очень жаль расставаться с Францевыми, но через некоторое время к всеобщей радости Дмитрий Иванович Францев с повышением в должности был переведен в Красноярск.

За время знакомства в Енисейске Дмитрий Иванович настолько подружился с Фонвизиним, что тот доверял ему, как себе. Францев знал, что Фонвизин работает над "Особой запиской" по крестьянскому вопросу и, используя положение помощника губернского прокурора, доставлял ему самые свежие и точные данные. Вскоре и прокурор Ивановский разделил убеждения Фонвизина и стал помогать ему документальными материалами, доступными только узкому кругу чиновников.

В Красноярске с 1831 года жил на поселении декабрист Семён Григорьевич Краснокутский, который находясь даже в ссылке, снискал почёт и уважение многих

сибиряков. Он был великолепным знатоком государственного права. Запутавшиеся в дебрях "Уложений законов Государства Российского" молодые чиновники шли к нему за советом, и Семён Григорьевич всегда помогал им. Со своими проблемами к нему приходили все, кто нуждался в его защите и поддержке. Ярлык "государственного преступника" не пугал обездоленных людей, которые терпели притеснения от обличенных властью и законом действительных преступников-лихоимцев.

В Красноярске на поселении жили Николай и Павел Бобрищевы-Пушкины. Здесь Наталия Дмитриевна ближе познакомилась и очень подружилась с Павлом Сергеевичем Бобрищевым-Пушкиным, который ухаживал за тяжело больным братом.

Тобольск

В Красноярске Фонвизины жили недолго. В 1838-1839 года Фонвизины, Краснокутский, Анненковы, Свистунов и братья Бобрищевы-Пушкины были переведены из Красноярска в Тобольск. И словно на "освободившуюся вакансию" тотчас прибыли декабристы Спиридонов и Давыдов. Из всех семей декабристов у Фонвизиных наиболее близкие отношения были с Давыдовыми, Нарышкиными, Трубецкими. Подобные перемещения были неслучайными: без ведома Николая I ни один ссыльный не мог изменить место жительства даже в пределах губернии. Царь постоянно "перетасовал" их.

В Тобольск Фонвизины приехали ночью 6 августа 1838 года. Низенький, унылый домишко и ужасающая грязь улиц, произвели на Фонвизиных гнетущее впечатление. В своих воспоминаниях Фонвизина напишет, что первый год жизни в Тобольске был, как ночь. Первой вестью, которую она получила по приезде в Тобольск, было сообщение о смерти отца. Наталия Дмитриевна обращается к чиновникам с просьбой разрешить ей поездку к матери, которая после смерти мужа осталась совсем одна и начала слепнуть. В свою очередь Михаил Александрович подает властям прошение о направлении его рядовым на Кавказ. В их просьбах было отказано. О чём тут говорить, если даже тяжело больному Семену Григорьевичу Краснокутскому было отказано в просьбе о переводе на Кавказские минеральные воды для лечения. Зимой 1840 года Краснокутский и был похоронен на Завальном кладбище.

В Тобольске вокруг ссыльных декабристов быстро сложился кружок прогрессивно мыслящих чиновников, где обсуждались проблемы развития Сибири. Фонвизин и здесь не переставал изучать историю и писал "Обозрение проявлений политической жизни в России". Михаил Александрович не изменил с годами своим идеалам.

В 1839 году Тобольск перестаёт быть столицей Западной Сибири. Власти переносят её из Тобольска в Омск. Не только все официальные учреждения переезжают туда, в Омск переезжают и семьи местной знати.

Фонвизина, большая поклонница спокойной уединённой жизни напишет: "Отсюда тогда погнало народ нарядный как помелом в Омск. Все поскакали, все поехали, как будто Господь выгнал их веревкою. Потом сделалась ощутительная тишина и простор - а уж как до того было тесно и душно! Вот лишнее все сплыло, остался простой народ... На простор этот слетались птички из лесов, и зверьки прибежали, почуя какую-то дивную, Богом устроенную пустоту. Белки скакали по городским садам, лягушки квакали по улицам, птицы влетали в горницы".

В декабре 1839 года семейство Дмитрия Ивановича Францева решило возвратиться в Россию. На пути из Красноярска они заехали в Тобольск проститься с Фонвизинами, а те уговорили их остаться в Тобольске. Францев был принят на службу в качестве прокурора. Фонвизины и Францевы прожили вместе в Тобольске 16 лет.

Обычный день Фонвизиной подробно описан в воспоминаниях дочери Францевых Марии Дмитриевны, которая рассказывает, что с раннего утра Наталия Дмитриевна подолгу молилась, затем читала богословские книги, писала духовные заметки. Выходила из своей комнаты она только к обеду. С ранней весны до поздней осени она трудилась в

саду. Семена цветов ей присылали из Риги. По вечерам в дом приходили А. П. Барятинский, С. Г. Краснокутский, Свистунов, Анненков с семьей и другие.

Именно в Тобольске произошло знакомство Наталии Дмитриевны с протоиереем Степаном Яковлевичем Знаменским, который был духовником декабристов, отбывавших ссылку в Кургане, Тобольске и Ялуторовске.

Она напишет, что это "очень почтенный и почти святой жизни человек". С ним она ведёт богословские беседы и споры. Даже священник поражён духовностью, мудростью и терпением тридцатилетней прихожанки. Мария Дмитриевна Францева заметила, что не Степан Знаменский оказывает влияние на Фонвизину, а она на него! Когда священника Знаменского перевели в Ялуторовск, Фонвизины приютили у себя его сына Мишеньку (родился в 1833 г.). Так Михаил стал воспитанником декабристов. Мальчик унаследовал лучшие черты своего отца и, прежде всего, нравственные качества порядочного, настоящего человека. Будучи людьми высокообразованными, воспитанными в высших кругах общества, Фонвизины смогли многое дать мальчику. Когда они заметили в нём талант художника, то отдали на обучение местному живописцу, а затем отправили в Петербург учиться иконописи в Образцовую духовную семинарию. Иконописцем Знаменский не стал. Но в нём проявилось удивительное слияние талантов художника и писателя помогло ему создать серию пейзажных зарисовок и написать книги «Исторические окрестности города Тобольска», «Исчезнувшие люди», «Тобольск в сороковых годах». В 1880 году в Италии был издан альбом о народах Сибири, в нём были помещены работы Знаменского. Он создал акварельные портреты декабристов, иллюстрации к произведениям К. Рыльева и П.П. Ершова, оставил дневниковые записи о путешествии в Ташкент.

В Ялуторовске его отец познакомился с декабристом И. Д. Якушкиным и помог ему создать школы для мальчиков и девочек. В Ялуторовске к отцу Степану Знаменскому все декабристы относились с большим почтением. Наталия Дмитриевна очень сочувственно относилась к устройству школ в Ялуторовске, а позднее и открытию женской школы в Тобольске.

Ялуторовские училища И.Д. Якушкина и протоиерея С.Я. Знаменского подвергались преследованиям со стороны части высшего духовенства и администрации. Фонвизины же, благодаря своим связям, в конце концов добился, что училища получили одобрение архиерея и их существование было узаконено. Многолетняя дружба и духовная близость связывали Фонвизиных А.И. Сулоцким, о. Макарием (Глухаревым). Частым гостем у Фонвизиных был поэт П.П. Ершов. Тобольский чиновник и художник-самоучка, много лет занимавшийся переписыванием сочинений и писем Фонвизина, Петр Дмитриевич Жилин числился его "добрым приятелем". Особые отношения сложились у семьи Фонвизиных с генерал-губернатором Западной Сибири П.Д. Горчаковым, который через жену находился в дальнем родстве с Н.Д. Фонвизиной и первое время помогал Михаилу Александровичу в его ходатайствах. Впоследствии отношения с Горчаковым испортились (видимо, из-за его разрыва с женой), и Фонвизиным даже пришлось претерпевать гонения и несправедливые нападки с его стороны. В 1842 году Наталии Дмитриевне удалось съездить в Ялуторовск; официально ей было разрешено поехать в с. Абалак для говения, на самом же деле она отправилась в Ялуторовск. Через некоторое время эта женщина смелая и решительная женщина опять едет в Ялуторовск без разрешения властей, за что получает выговор. В официальной бумаге она была названа "женой государственного преступника, ссыльно-каторжного", в то время как по предписанию из Петербурга жен декабристов, обращенных на поселение, следовало называть "супругами, состоящими под надзором полиции". Наталия Дмитриевна написала об этом графу Орлову, сменившему Бенкендорфа, а от генерал-губернатора, князя Горчакова, потребовала личного извинения. И он прислал его.

Князь Горчаков попал под влияние некой Шрамм, женщины очень корыстолюбивой. Началось взяточничество и другие злоупотребления. Узнав о его

лихоимстве Наталия Дмитриевна пишет письмо Николаю I с просьбой отстранить князя Горчакова от обязанностей генерал-губернатора, как недостойного занимать этот пост. Комиссия, присланная из Петербурга, подтвердила все факты, изложенные в письме Фонвизиной, и князь Горчаков был отстранен от должности. Все в Тобольске были очень рады смещению с поста Горчакова.

Муж Фонвизиной в первые годы их брака был атеистом. Целью своей жизни рядом с мужем Наталия Дмитриевна видела спасение его души, посредством приобщения к идеалам христианства. Ей удалось приблизить мужа к религии. О нём спустя годы скажут: «Выдающийся философ и мыслитель, чье творчество особенно расцвело в Сибири, создатель оригинальной теории русского христианского социализма, М.А. Фонвизин был истинно православным и вполне русским человеком».

Благотворители

Всю свою жизнь Наталия Дмитриевна продолжает много молиться, читать богословские книги, писать духовные заметки, заниматься самообразованием. Однако сосредоточенность на внутреннем мире не мешает ей смело и решительно действовать и выступать поборником справедливости, помогать обездоленным людям.

Фонвизины, будучи людьми состоятельными и в высшей степени гуманными, много занимались благотворительностью: раздавали деньги бедным и сиротам, жертвовали на постройку и ремонт храмов.

Их готовность прийти на помощь особенно проявилась в период эпидемии холеры в 1848 году. Михаил Александрович Фонвизин жертвовал большие средства на медицинские цели. Мария Дмитриевна Францева вспоминает, Фонвизины, Свистуновы лечили в отсутствие Павла Сергеевича Бобрищева-Пушкина приходящих к нему больных. Михаил Александрович и Павел Сергеевич сами растирали окоченевшие и почерневшие их члены, сами сажали в ванну.

Нельзя обойти молчанием и огромное нравственно-религиозное влияние Фонвизиных на сибиряков. М.М. Громько пишет о том периоде жизни супругов Фонвизиных, что они люди глубоко верующие и оказывают постоянную поддержку церкви, священникам и монахам, а также прихожанам. В ближайшее окружение супругов Фонвизиных входила бывшая крепостная крестьянка Татьяна Филипповна Земляникина – женщина чрезвычайно религиозная. Она жила в деревне Подрезово, в двадцати пяти верстах от Тобольска. По ее инициативе при материальной поддержке Фонвизиных, Павла Сергеевича Бобрищева-Пушкина, Петра Николаевича Свистунова, Дмитрия Ивановича Францева в Подрезове построена была церковь. Когда декабристы и их городские друзья приехали на освящение этой церкви, их с радостью и благодарностью встречала вся деревня. Сообщается, что именно Наталия Дмитриевна Фонвизина написала икону для этого храма, что говорит о её таланте иконописца.

Фонвизины не теряли надежду, что к ним разрешат привезти из России сыновей. Они и не догадывались, что мальчики растут избалованными бездельниками. Мария Павловна, матушка Наталии Дмитриевны, обнаружив тщетность своих усилий, решила доверить заботу о детях Ивану Александровичу Фонвизину, родному брату Михаила Александровича. Это не дало никаких результатов. Сыновья были настолько ленивы, что не смогли поступить в высшее учебное заведение.

В 1842 году скончалась мать Наталии Дмитриевны, не сбылась ее мечта о свидании с матерью и совместной жизни с нею. Оставалась еще одна надежда - увидеться с сыновьями. Но и она не осуществилась. В 1850 году старший сын Фонвизиных Дмитрий умер от чахотки. В следующем году умер и второй их сын.

У Фонвизиных, потерявших собственных детей, нашли приют некоторые дети из бедных семей. Две девочки – Паша (Прасковья Яковлевна Свешникова) и Тоша (Антонина Дмитриева, дочь поселенца) – были взяты на воспитание. В их доме

фактически росла дочь прокурора Дмитрия Ивановича Францева Маша. Вспоминая свое детство в семье Фонвизиных, она напишет, что декабристы, "высоко уважая в людях человеческое достоинство... очень были ласковы со всеми низшими и даже с личностями, находившимися у них в услужении» Даже к своим слугам они обращались на "Вы". Мария Дмитриевна утверждает, что все декабристы, где бы они ни жили, становились любимцами народа. Прямота декабристов, «всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении, и вместе с тем возвышенность чувств, ставили их выше всех, а между тем они были равно доступны для каждого, обращающегося к ним за советом ли, с болезнью ли, или со скорбью сердечной. Все находили в них живое участие, отклик сердечный к своим нуждам».

© Н.А. Малинина (Епифанова), 2005

http://llit.ru/litera/show_text.php?t_id=6558